

Леонид Петрович Гришин

ЭХО ВОЙНЫ

**Москва
«Книга по Требованию»**

Леонид Гришин

Эхо Войны

УДК 82-31
ББК 84-44
Г 85

Леонид Гришин

Г 85

ISBN 978-5-8853-0866-3

Автор в рассказах повествует о людях и судьбах. Почти все рассказы начинаются на рыбалке у костра, где сама природа способствует желанию человека открыться и рассказать о самом сокровенном. В трагических судьбах героев видишь благородство, мужество, любовь и верность. Читателю порою может показаться, что он сам сидит у костра и переживает за героя.

Истории эти иногда печальные, иногда трогательные, а иногда и несправедливые... Но в них всегда есть надежда. Надежда на то, что все было не зря. Надежда на собственных детей. Надежда на то, что их не коснется жуткое эхо войны, что не будет больше боев, которые в мирное время снятся и не дают покоя.

УДК 82-31
ББК 84-44

ISBN 978-5-8853-0866-3

© Леонид Гришин, 2012

*Светлой памяти моего отца
Гришина Петра Федоровича
1895 года рождения,
прошедшего три войны,*

посвящается

Часть 1

Я знал твоего отца

В самом начале восьмидесятых в ФРГ была закуплена лицензия на оборудование для энергетического комплекса. Мне было поручено принять документацию, опытный образец, следить за изготовлением на фирмах, а также принимать станочное оборудование для освоения этой лицензии.

В восьмидесятые годы я часто бывал в ФРГ, причем на многих фирмах. Пришлось поехать по всей стране от Любека до Шварцвальда. Переговоры велись всегда примерно по одной и той же схеме. Мне, как прибывшему из-за «железного занавеса», задавали много разных вопросов, большей частью о нашей жизни. Такие разговоры обычно начинались во время «кофейного перерыва» — когда во время перерыва подавали кофе. Задавали самые разные вопросы: на одни было интересно отвечать, на другие же отвечать не хотелось, потому что уж слишком они были провокационные, а я приезжал один. Поэтому приходилось делать вид, что я недопонял вопроса.

Обязанности переводчика у нас выполнял немец по имени Гюнтер, хоть и был он записан в протокол как дипломированный инженер, а не переводчик. Немец отлично говорил по-русски, без акцента. Я даже сказал ему однажды: «Как хорошо вы русский знаете!»

— А у меня что русский, что немецкий — оба родные,— ответил он мне тогда.

— Как так? — удивился я.

— Я родился в Бобруйске, а в тридцать седьмом году, когда немцам разрешили из России выехать в Германию, мы с родителями

уехали. Мне тогда было пятнадцать лет, так что русский язык мне все равно что родной.

Кто-то задал мне вопрос: где я родился? Я ответил, что на Кубани.

— А что такое Кубань? — спросил меня кто-то.

— Кубань — это район на юге, где протекает река Кубань. Краснодарский и Ставропольский край называются Кубанью.

Последовали вопросы о том, что такое край, значит ли это край Союза или что? Я рассказал немцам немного об административном делении нашей страны, объяснил им, что Кубань — это и есть Краснодарский край, в котором я родился, и что там небольшой городочек есть, который называется Новокубанск. Когда я произнес слово «Новокубанск», Гюнтер, переведя это слово, вздрогнул, а после внимательно на меня посмотрел. Я не придумал этому значения; закончили пить кофе, приступили дальше к делам. Гюнтер до конца рабочего дня внимательно смотрел за мной, как будто напряженно пытался что-то припомнить...

На следующий день с утра у нас планировались переговоры, затем посещение завода в другом городе. День прошел в делах, а в конце этого рабочего дня Гюнтер пригласил меня в гости к нему домой. Я принял приглашение.

— Если вам удобно будет, в двенадцать часов я заеду, — сказал он мне.

— Хорошо, к двенадцати часам я буду ждать.

На следующий день к двенадцати часам он приехал за мной на шикарном белом «Мерседесе» с кожаными сиденьями...

Дом у Гюнтера — трехэтажный особняк, вокруг растут березки, елочки. Подъехав, перед нами автоматически открылись железные ворота, и мы въехали во двор. Во дворе стояла ещё одна машина.

Когда зашли, появилась фрау, он представил — это его жена. Она извинилась, что не может составить нам компанию, сослалась на неотложные дела и сказала, что все необходимое для нас сделает Марта. Гюнтер пояснил, что это была домработница, и мы отправились смотреть дом.

Конечно, в восьмидесятые годы о таких домах русским вообще и мечтать не приходилось. На первом этаже располагалась просторная кухня, гостиная. Второй этаж — большущая спальня, библиотека, она же и кабинет, а также детская. Попутно Гюнтер рассказал, что несмотря на то, что дочь уже выросла, комнату продолжают называть детской. Санузел, ванная, душевая кабина — в то время редкость для русского человека. Третий этаж он назвал гостевым. Здесь было

три спальни, причем в каждой спальне свой санузел, без ванн, но с душевыми кабинами и уборными.

Далее мы спустились вниз и пошли в правое крыло. Здесь, как объяснил Гюнтер, у них располагалась сауна, бассейн. Бассейн три на пять, а перед ним громадное витринное стекло, окно, выходящее в сад, правда, сад небольшой — несколько деревьев и газон.

— Здесь сауна, а это вот — хозяйственный этаж, там прачечная и прочее,— продолжал показывать тем временем Гюнтер.

Пройдя дальше я увидел помещение, в котором находились непонятные емкости довольно большого размера.

— Это солярка и дизель-генератор,— пояснил мне Гюнтер,— я могу целый год здесь жить автономно, не пользуясь внешней электроэнергией.

Показав мне дом, хозяин пригласил меня за стол, который был уже накрыт Мартой. Гюнтер налил шнапса, а мою бутылку «Столичной», прихваченную мною из гостиницы, спрятал в шкафчик.

— Давай за знакомство! — громко сказал мне он.

Мы выпили за знакомство, я взял вилку, примерился, какой бы кусочек наколоть, чтобы не съесть сразу половину закуски, как слышу слова Гюнтера: «Я знал твоего отца».

Вилка, которой я уже почти подцепил закуску, выпала у меня из рук. Откуда он мог знать моего отца, когда мой отец вообще никогда не выезжал.

— Извини, как ты мог знать моего отца? — сказал я, подняв вилку.

— А я его знал. Когда ты сказал, что родился на Кубани, в Новокубанске, я на тебя посмотрел и сразу вспомнил одного человека, а потом подсчитал и понял, что это твой отец. Если тебе интересно, могу рассказать.

Естественно, мне было интересно, я положил вилку и приготовился внимательно его слушать.

— Как я говорил, я родился в Бобруйске. В тридцать седьмом году, когда немцам разрешили выезжать в Германию, мы с родителями уехали. В сороковом году меня призвали в армию. Но меня и еще некоторых русских немцев, знающих русский язык, стали не только военному делу обучать, но еще и учить переводу. Мы стали с документацией работать, техническую литературу, банковские документы переводить...

Началась война, естественно, мы начали служить переводчиками. Работа первое время была кошмар! Надо было переводить захваченные документы, военные документы, архивные... Работы

было невпроворот, а документы приходили целыми эшелонами. Служба моя была, можно сказать, вдалеке от фронта. К чинам я не стремился, хотя какие-то звание и присваивали постепенно. И вот, однажды я был срочно вызван на допрос. Следователю необходим был переводчик. Мне в первый раз пришлось быть на допросе, и знаете, мне даже дурно стало в какой-то момент, потому что слишком уж условия экстремальные, но я продолжал переводить...

Через какое-то время меня опять вызвали на допрос. Допрос этот я по сей день помню. Допрашивали девушку, почти ребенка, а допрашивал садист самый настоящий. Это был не допрос, а издевательство. Я не знаю, что со мной случилось, короче, дал я тогда офицеру прямо по морде. А в военное время это трибунал. Не знаю, кто там за меня поручился, но закончилось тем, что меня просто разжаловали до рядового. А мне даже было и лучше — на допросы меня больше не приглашали.

В плен попал рядовым к американцам. Мы радовались, что к американцам, а не к русским, потому что много мы бед, конечно, русским принесли. Зря радовались, оказалось так, что наш лагерь отошел к русским. Американцы нас по списку передали... Нас построили в колонну, посадили в ужасные вагоны и мы поняли, что нас везут в Сибирь. По вагону ходили разные рассказы про Сибирь, говорили, будто там мороз и медведи — и больше ничего нет. Думали, что на погибель нас везут. Долго пришлось ехать в этих вагонах. Иногда нам что-то давали есть, а иногда забывали давать и воду. Привезли нас не в Сибирь, а в какую-то станицу. Позже я узнал, что это станица называлась Новокубанская, а ты сказал, город Новокубанск.

— Да, в 63-м году переименовали станицу в город Новокубанск.

— Я так и понял. Нас там поселили, офицеров, конечно, отдельно, а нас, солдат, заставляли работать на кирпичном заводе, а иногда и на спиртзаводе. Мы на спиртзаводе с удовольствием шли, потому что кормили плохо, а на спиртзаводе можно было иногда, не скажу, что украсть, но можно было подобрать и кукурузу, и пшеницы горсть и еще чего-нибудь. Потому что русские все-таки не очень, надо отметить, аккуратные, и это мы наблюдали. Нас заставляли ящики перетаскивать, разбирать оборудование, а рядом зернохранилище было. Вот с этого зернохранилища возили зерно и кукурузу. Иногда везли в драных мешках, из мешка сыпется пшеница, а возница, видя, что сыпется, не обращает никакого внимания. Но этого-то мы и ждали, позже мы в пыли выбирали эти зернышки, естественно, если охранник позволял. А когда возили кукурузу, то падали целые

початки, а возница их не подбирали. Если нам удавалось подобрать, мы их прятали, приносили в лагерь, измельчали кукурузу в ступке и варили себе что-то вроде каши.

Был там один охранник. Молодой, но зверь зверем был, самым настоящим. Ему, казалось, доставляло удовольствие бить нас, причем он мог бить чем угодно и за что угодно. Мог кулаком в лицо ударить, ногой в живот, а иногда тем, что под руку попадало, тем и мог ударить, даже непонятно за что. Звереныш был, хотя, и молодой совершенно. Так было и в тот день...

Гюнтер замолчал, потянулся опять за бутылкой шнапса. Налил, и мы, не чокаясь, выпили.

— С брички упали два початка кукурузы. Возница глянул и, не обращая внимания, поехал дальше. В тот день мы работали с Куртом. Товарищ мой был... Мы с ним улучили момент и, когда отвернулся охранник, схватили по початку и спрятали за пазуху. Охранник это заметил и стал к нам приближаться. У него в руках оказался железный прут, кусок арматуры.

— Давай,— говорит, когда подошел.

Но Курт не понял его, он не знал русского. А я сразу же вытащил початок из-за пазухи и отдал ему. Страшный удар получил я по спине этой железкой, когда тот забрал у меня из рук початок. А Курт стоял, ничего не понимая.

— Ну, ты что стоишь? Не понял, что ли? Так я тебе мозги сейчас вправлю! — закричал на него охранник.

Курт неуверенно достал свой початок и отдал, а охранник прутом ударил Курта прямо по лицу. Я видел, как у него лопнула кожа и оттуда брызнула кровь. Курт схватился за рану и упал. Охранник повернулся ко мне: я вжал голову в плечи, руками прикрыл лицо, приготовился к тому, что сейчас со мной то же самое будет, думал, что сейчас этот звереныш изуродует мне лицо или пробьет голову. Я уже видел, как он занес над моей головой этот железный прут и вдруг услышал чей-то голос: «Отставить!» Я стоял, сжавшись, ожидая, что в любую секунду на меня обрушится удар. Проходит две секунды, три секунды — удара нет.

— Ваня, ты что делаешь? — слышу я чей-то голос.

— Да, вот, гады-фашисты кукурузу воруют, ну я их и учу, что воровать нельзя.

— Как они воруют?

— Ехал этот идиот, у него с брички падает кукуруза, он не подымает, а эти схватили да запрятали.